

Аспектуальная оппозиция «мутативность»: «статальность» симметрично представлена и в сочетаниях глаголов *uuerdan/uuesan* с причастием I, ср.:

(17) *Inti nu uuirdest thu suigenti inti ni maht sprehhan* (Tat. 2, 9)

«И вот, ты будешь молчать (букв.: «становишься молчащим») и не сможешь говорить»;

(18) *inti al thiū menigi uuas thes folkes ūzze betonti in thero ziti thes rouhennes* (Tat. 2, 3)

«а весь народ ждал снаружи во время каждения».

Постулируемое для конструкции *uuesan* + Part. II значение дуративности [18, с. 81] действительно присутствует в ней в виде акциональной составляющей. Вместе с тем это, как представляется, не дает оснований для вывода о зависимости между распространением видовой оппозиции перфективности/имперфективности и утверждением в языке дуративной конструкции, поскольку основным категориальным признаком древневерхненемецкой видовой оппозиции является, как было показано, не противопоставление перфективности/имперфективности, а противопоставления мутативности/статальности.

Сложнее определить акциональную семантику сочетания *haben* + Part. II. Начнем с хрестоматийного примера, приводимого едва ли не в каждой работе о видо-временных отношениях в древневерхненемецком:

(19) *phigboum habeta sum giflanzotan in sinemo uuingarten* (Tat. 102, 2)

«Некто посадил (букв.: «имел посаженной») смоковницу в своем винограднике».

В посессивных конструкциях такого типа глагол «иметь» по своему акциональному значению тяготеет к статальности, что сближает его с глаголом «быть». Однако в отличие от последнего (который в древневерхненемецком не обнаруживает результативной семантики) он в сочетании с причастием II выражает скорее результативную статальность, т. е. состояние, возникшее в результате предшествующего действия: «иметь нечто сделанным, совершенным, завершеным». Данному значению противостоит дуративная акциональность презентных и претеритальных форм глаголов-симплексов, ср.:

(20) *ni ist in kihuctin himiliskin gote, uuanta hiar in uuerolti after ni uuerkota* (Musp. 29—30)

«нет его в памяти Бога небесного, ибо не творил (по заповедям Его) в этой жизни»;

versus:

(21) *dar scal er vora demo rihhe thaz rahhu stantan pi daz er in uuerolti eo kiuerkot hapeta* (Musp. 35—36)

«Там он пред Царством будет держать ответ за все, что он сотворил в мире сем».

Таким образом, противопоставление дуративного и результативного значений зарождается первоначально внутри статальной аспектуальности.

«Расщепление» аспектуального значения статальности имело для развития немецкой глагольной парадигмы решающее значение. Оно приводит к утрате релевантности аспектуальной оппозиции «мутативность»: «статальность», поскольку акциональная семантика результата, выделяясь в самостоятельное значение, противопоставляемое значению процесса, вовлекает в свою орбиту все результативные значения, в том числе и те, которые имплицитно содержались в мутативной аспектуальности. Уже в поздневерхненемецком (у Ноткера) пассивные конструкции с *uuerdan* могли употребляться в дуративно-статальном значении, что свидетельствует, в частности, о постепенной десемантизации самого финитного глагола, ср.: